

Max Etwood

**В
ЭТОМ
ДОМЕ
НИКТО
НЕ
СПИТ**

18+

Max Etwood

В ЭТОМ ДОМЕ НИКТО НЕ СПИТ

«Автор»

2026

Etwood M.

**В ЭТОМ ДОМЕ НИКТО НЕ СПИТ / М. Etwood — «Автор»,
2026**

Семья переезжает в дешёвый старый дом, чтобы начать жизнь заново. Но у дома есть правило: после полуночи количество комнат меняется, а утром каждый помнит ночь по-своему. Восьмилетний Миша первым начинает говорить с кем-то за стеной. Мать ведёт записи. Отец делает вид, что ничего не происходит. А бабушка слишком хорошо помнит этот дом — и того, кто в нём ждёт. Дом не хочет их напугать. Дом хочет, чтобы его наконец услышали. Психологический хоррор · семейная драма · Max Etwood

© Etwood M., 2026

© Автор, 2026

Max Etwood

В ЭТОМ ДОМЕ НИКТО НЕ СПИТ

В ЭТОМ ДОМЕ НИКТО НЕ СПИТ

Роман

Max Etwood

Часть I. Новый дом

Глава 1. Дорога

Дорога была длинной и серой, и Миша считал столбы, чтобы не думать.

Он досчитал до ста семидесяти трёх и сбился. Начал сначала. Досчитал до восьмидесяти девяти и снова сбился. Тогда он перестал считать и стал смотреть в окно, где поле сменялось лесом, а лес — полем, и трудно было понять, тот же это лес возвращается или уже другой.

Он не сказал об этом родителям. Он уже знал: некоторые вещи лучше не говорить. Не потому что запретят. А потому что начнут объяснять. А когда взрослые объясняют, они говорят не о том, что видишь ты. Они говорят о том, что видят они. Это разные вещи.

— Миш, не сутулься, — сказала мама, не оборачиваясь.

Он выпрямился. Потом снова ссутулился.

Мама смотрела на дорогу. Она всегда смотрела на дорогу, когда папа вёл машину, — будто если смотреть достаточно внимательно, они не заблудятся.

Папа вёл молча. Четыре часа молча. Не включал радио, не говорил «смотрите, какое поле», не говорил «ну вот, почти на месте». Просто вёл. Как будто дорога была его работой, которую нужно довести до конца.

Миша знал, что папа не работает. Он слышал, как мама говорила по телефону — не ему, кому-то другому, — тихо, но он слышал. Он не понимал всех слов, но понимал тон. Тон был такой, будто мама трогает синяк, чтобы проверить, зажил ли.

Он не спрашивал. Если спросишь — скажут «всё хорошо». А «всё хорошо» всегда значит, что не хорошо.

— Бабушка, а мы скоро? — спросил он.

Бабушка сидела рядом. Она поехала с ними от самого города — «помочь с ремонтом». Миша не знал, какой ремонт. Может, и нужен был. А может, бабушка просто не хотела оставаться одна.

— Скоро, — сказала она. — Час. Может, два.

— А почему два?

— Потому что дорога длинная.

— А почему длинная?

— Потому что мы далеко едем.

— А почему далеко?

— Потому что едем в новый дом.

— А почему новый дом далеко?

Бабушка засмеялась — не громко, просто выдохнула через нос.

— Ты всегда столько спрашиваешь?

— Да.

— Это хорошо.

— Почему?

— Потому что тот, кто спрашивает, не спит.

Миша не понял. Хотел переспросить — но бабушка уже смотрела в окно. Смотрела так, будто видела что-то, чего он не видел. Или вспоминала что-то, чего он не знал.

Он не стал спрашивать.

Машина свернула с трассы. Дорога сузилась. Пошли деревья — не высокие, не страшные, просто деревья. Но Мише показалось, что они стоят слишком близко. Будто хотят заглянуть в машину. Будто хотят посмотреть, кто едет.

— Это уже город? — спросил он.

— Это его начало, — сказала мама. — Скоро будем.

Она сказала это тем тоном, которым говорила «всё хорошо». Тем тоном, которым говорила «мы справимся». Тем тоном, которым говорила «не волнуйся».

Он не волновался. Он смотрел в окно.

Город начался с заправки. Потом магазин. Потом аптека. Потом дом с закрытыми ставнями. Потом ещё один. Потом улица кончилась и началась другая. Потом третья. Потом они свернули, и деревья снова стали близко.

— Вот здесь, — сказал папа.

Он сказал это впервые за четыре часа. Миша вздрогнул — не от испуга, а потому что голос прозвучал странно. Будто папа сам не был уверен, что они здесь.

Машина остановилась.

Дом был большой. Не как их квартира. Не как дом бабушки. Как дом из книжки — тот, который рисуют, когда говорят «дом». Крыша. Окна. Дверь. Забор. Сад. Всё, что должно быть.

Но что-то было не так.

Миша не мог понять что. Он смотрел на дом и чувствовал: неправильно. Не «страшно». Не «плохо». Неправильно. Будто кто-то собрал дом из частей и одну забыл. Или добавил лишнюю. Или поставил не туда.

— Ну как? — спросил папа. Он смотрел на Мишу в зеркало и улыбался. Улыбка была не настоящая. Миша это видел. Он всегда видел.

— Большой, — сказал Миша.

— Это хорошо. Значит, всем хватит места.

— Ага.

Он не сказал, что место — это не то, что нужно. Не сказал, что место — это как раз то, чего не хватает. Не сказал, что дом слишком большой. Что в нём слишком много места. Что в нём может поместиться что-то ещё. Что-то, чего они не видят. Что-то, что уже там.

Он вышел из машины.

Воздух был другой. Пахло чем-то знакомым и чем-то незнакомым одновременно — будто кто-то взял запах старого шкафа и добавил запах дождя. И ещё что-то. Чего Миша не мог назвать.

Он посмотрел на дом. Дом смотрел на него.

У дома не было глаз. Но Миша чувствовал взгляд. Будто окна — это глаза. Будто дверь — это рот. Будто дом ждёт, что он что-нибудь скажет.

Миша ничего не сказал. Просто стоял и смотрел.

Бабушка вышла из машины. Встала рядом. Тоже посмотрела на дом. Долго. Молча.

— Ты здесь уже была? — спросил Миша.

Она не ответила сразу.

— Давно, — сказала наконец.

— Когда?

— Когда была маленькой.

— А почему не сказала?

— Потому что не помнила.

— А сейчас помнишь?

Бабушка посмотрела на него. У неё были глаза как у мамы — только старше. И в них было что-то, чего Миша не видел у мамы. Что-то, похожее на страх. Но не страх. Что-то страшнее страха.

— Сейчас — да, — сказала она. — Сейчас помню.

Она не сказала, что помнит. Миша не спросил. Он уже понял: некоторые вещи лучше не знать. Особенно когда бабушка смотрит на дом так, будто дом смотрит на неё.

Мама подошла. Держала ключи. Улыбалась — не настоящей улыбкой, той, которой улыбалась, когда хотела, чтобы все думали, что всё хорошо.

— Ну что, идём?

— Идём, — сказал папа.

Они пошли к двери. Миша шёл последним. Обернулся. Улица была пустой. Никого. Только деревья. Только дома. Только тишина.

Он посмотрел на дом. Дом был большой. Дом был старый. Дом был новый.

Он не знал, что будет дальше. Не знал, что дом уже знает о нём. Не знал, что дом ждал его дольше, чем он думал. Не знал, что дом не спит.

Он просто вошёл.

Дверь закрылась за ним. Тихо. Будто кто-то выдохнул.

Глава 2. Первая ночь

Вещи распаковали к вечеру — не все, только самое нужное: постели, посуду, зубные щётки, зарядки. Остальное осталось в коробках в прихожей, и коробки стояли так, будто ждали, когда их откроют. Или будто не хотели, чтобы их открывали.

Мама сказала, что завтра разберут. Папа сказал, что завтра. Бабушка ничего не сказала. Она стояла у окна в гостиной и смотрела на улицу. Улица была тёмной. Фонари не горели. Или горели, но не все. Или горели, но не так, как в городе.

— Бабушка, ты чего? — спросил Миша.

— Ничего. Смотрю.

— На что?

— На то, что не видно.

Миша не понял. Хотел спросить — но бабушка уже отошла от окна. Сказала, что пойдёт спать. Сказала, что устала. Сказала, что завтра будет день.

Она ушла в свою комнату — маленькую, на первом этаже, рядом с кухней. Миша слышал, как она закрыла дверь. Не сильно. Просто закрыла.

Мама сказала, что пора спать. Миша сказал, что не хочет. Мама сказала, что завтра школа. Миша сказал, что школа только через неделю. Мама сказала, что всё равно пора. Миша сказал, что сначала посмотрит комнату.

Его комната была на втором этаже, у окна, с видом на сад. Сад был тёмный. Деревья стояли неподвижно. Будто ждали.

Миша обошёл комнату. Потрогал стены — холодные. Не как в квартире. Не как у бабушки. Холодные, будто за ними было что-то ещё. Что-то, чего он не видел.

Потрогал пол. Пол скрипнул. Не громко. Просто скрипнул — будто под ним была пустота. Будто дом был не цельный. Будто внутри него было пространство.

Посмотрел на потолок. Потолок был белый. Обычный. Но Мише показалось, что он слишком низкий. Будто давит. Будто хочет, чтобы он лёг. Будто хочет, чтобы он закрыл глаза.

Он не лёг. Сел на кровать. Кровать была старая — с деревянными спинками, с матрасом, который проминался, с запахом, который он не мог назвать.

Посмотрел на дверь. Дверь была закрыта. Он не закрывал её. Не помнил, как закрыл. Может, мама. Может, папа. Может, она была закрыта всегда.

Он встал. Подошёл. Открыл.

Коридор был тёмный. Лампочка на потолке не горела. Или горела, но не так. Или не горела вообще.

Коридор был длинный. Длиннее, чем он думал. Длиннее, чем был днём. Он не был уверен, что это тот же коридор. Может, другой. Может, коридор тоже меняется. Может, коридор ждёт.

Он закрыл дверь. Не сильно. Просто закрыл. Как бабушка. Будто это что-то значило.

Лёг на кровать. Не раздеваясь. Просто лёг. Он не хотел спать. Не хотел закрывать глаза. Не хотел, чтобы дом думал, что он спит.

Смотрел в потолок. Потолок был белый. Обычный. Но Мише показалось, что он движется. Не сильно. Просто движется. Будто дышит. Будто ждёт.

Он закрыл глаза — не чтобы спать, чтобы не видеть. Но когда закрыл, увидел ещё больше. Увидел комнату, которой не было. Увидел дверь, которая была закрыта. Увидел кого-то, кто стоял за дверью. Он не знал, кто это. Он не хотел знать.

Открыл глаза. Комната была та же. Потолок тот же. Дверь та же. Но что-то было не так. Что-то другое. Что-то новое.

Сел. Посмотрел на дверь. Дверь была приоткрыта. Он не открывал её. Он закрывал. Помнил, как закрывал. Но она была приоткрыта. Будто кто-то открыл её изнутри. Или снаружи. Или из другого места.

Встал. Подошёл. Открыл. Коридор был тот же. Тёмный. Длинный. Но в конце коридора был свет. Не яркий. Просто свет. Будто кто-то оставил лампу. Будто кто-то ждал.

Миша не пошёл туда. Закрыл дверь. Вернулся на кровать. Лёг. Закрыл глаза. Он не спал. Просто лежал. И слушал.

Слышал, как дом дышит. Не громко. Просто дышит. Будто он был живой. Будто ждал. Будто знал.

Слышал, как бабушка ходит вниз. Не громко. Просто ходит. Будто она тоже не спала. Будто тоже слушала. Будто тоже ждала.

Слышал, как мама говорит с папой. Тихо. Не словами. Просто голосами. Будто они тоже не спали. Будто тоже слушали.

Слышал, как кто-то ходит наверху. Не громко. Просто ходит. Будто там был ещё один этаж. Будто там был кто-то ещё. Кого они не знали. Кого не приглашали. Кого не ждали.

Миша не спал. Лежал. Слушал. Ждал.

Утро пришло не сразу. Оно пришло медленно. Будто не хотело приходить. Будто знало, что его не ждут. Будто знало, что оно ничего не решит.

Миша открыл глаза. Комната была та же. Потолок тот же. Дверь та же. Но что-то было не так. Что-то другое. Что-то новое.

Сел. Посмотрел на дверь. Дверь была закрыта. Он не закрывал её. Помнил, как она была приоткрыта. Но теперь была закрыта. Будто кто-то закрыл её изнутри. Или снаружи. Или из другого места.

Встал. Подошёл. Открыл. Коридор был тот же. Светлый. Короткий. Будто он был днём. Будто был обычным. Будто ничего не было.

Вышел. Спустился вниз. Мама была на кухне. Варила кофе. Улыбалась — не настоящей улыбкой, той, которой улыбалась, когда хотела, чтобы все думали, что всё хорошо.

— Доброе утро.

— Доброе.

— Как спал?

Миша не ответил сразу. Думал. Он не спал. Лежал. Слушал. Ждал. Но сказать это маме он не мог. Она начнёт объяснять. Скажет, что это дом. Скажет, что это нервы. Скажет, что это новый дом. Скажет, что это пройдёт.

— Нормально, — сказал он.

— Вот и хорошо. Бабушка уже встала. Она в гостиной. Что-то смотрит.

Миша пошёл в гостиную. Бабушка стояла у окна. Смотрела на улицу. Улица была светлой. Обычной. Будто была днём. Будто была нормальной. Будто ничего не было.

— Бабушка.

Она обернулась. Посмотрела на него. Долго. Молча.

— Ты тоже слышал?

Миша не ответил. Не знал, что сказать. Не знал, что она имеет в виду. Не знал, что она слышала. Не знал, что она ждала.

— Слышал, — сказал он.

Бабушка кивнула. Не удивилась. Не испугалась. Просто кивнула. Будто знала. Будто ждала. Будто тоже слышала.

— Это дом, — сказала она. — Он не спит.

Миша не понял. Хотел спросить, что это значит. Но бабушка уже отвернулась. Снова смотрела на улицу. Снова ждала. Снова слушала.

Глава 3. Комната, которой не было

Через три дня они нашли первую комнату.

Не то чтобы искали. Просто папа пошёл в подвал за инструментами, а вернулся не с инструментами, а с вопросом.

— Ты знала, что в подвале есть ещё одна дверь?

Мама мыла посуду. Не обернулась. Но руки остановились.

— Какая ещё дверь?

— В углу, за стеллажом. Я думал, там стена. А там дверь. Маленькая. Деревянная. Я открыл.

— И что там?

— Комната.

— Какая комната?

— Обычная. Пустая. С окном.

Мама вытерла руки. Посмотрела на него. Долго. Так, как смотрят, когда хотят понять, шутит человек или нет. Папа не шутил. Стоял и ждал. Будто сам не был уверен, что это правда.

— Ты уверен?

— Пойдём. Покажу.

Они пошли в подвал. Миша пошёл за ними. Не спрашивал разрешения. Просто пошёл. Никто не заметил. Или сделал вид, что не заметил.

Подвал был сырой. Пахло землёй и чем-то ещё. Чем-то старым. Чем-то, что было здесь давно. Миша не любил подвалы. Но шёл. Потому что если бы остался наверху — остался бы один. А оставаться одному в этом доме он не хотел.

Стеллаж стоял в углу. Папа отодвинул его. За стеллажом была дверь. Маленькая. Ниже обычной. Деревянная. Тёмная. Будто её покрасили давно и забыли.

Папа открыл. Она открылась легко. Будто её открывали недавно. Будто открывали часто.

За дверью была комната. Обычная. Небольшая. С окном. Окно было высоко. Под потолком. Небольшое. Свет через него не проходил. Или проходил, но не так. Или не проходил вообще.

В комнате ничего не было. Ни мебели. Ни вещей. Ни пыли. Будто её только что построили. Или будто только что убрали. Или будто её никогда не было.

Миша вошёл первым. Не боялся. Просто хотел посмотреть. Обошёл комнату. Потрогал стены. Они были тёплые. Не как в подвале. Не как в доме. Тёплые. Будто за ними что-то было. Что-то, что грело.

Посмотрел на пол. Пол был деревянный. Старый. Но не скрипел. Будто его только что постелили. Или будто по нему никогда не ходили.

Посмотрел на потолок. Потолок был низкий. Ниже, чем в других комнатах. Будто комната была меньше, чем казалась. Будто была не цельная. Будто была частью чего-то ещё.

— Ну что? — спросил папа.

— Комната, — сказала мама. — Комната как комната.

Она сказала это так, будто хотела, чтобы это было правдой. Будто если сказать достаточно уверенно, комната станет обычной. Будто ничего не будет значить.

— А почему мы её не видели? — спросил Миша.

Мама посмотрела на него. Потом на папу. Потом снова на него.

— Потому что стеллаж стоял. За стеллажом не видно.

— А почему дверь была закрыта?

— Потому что её не открывали.

— А почему не открывали?

— Потому что не было нужно.

— А почему сейчас нужно?

Мама не ответила. Посмотрела на папу. Папа посмотрел на неё. Они молчали. Так, как молчат, когда не знают, что сказать. Или когда знают, но не хотят говорить.

— Пойдём наверх, — сказала мама. — Здесь холодно.

Они пошли наверх. Миша шёл последним. Овернулся. Посмотрел на дверь. Дверь была открыта. Комната была пуста. Окно было высоко.

Он не знал, почему, но ему показалось, что комната смотрит на него. Как дом. Будто ждала. Будто знала. Будто хотела, чтобы он вернулся.

Он не вернулся. Пошёл наверх. Но запомнил. Комната была. Комната была в подвале. Комната была за стеллажом. Комната была там, где её не должно было быть.

Ночью он не спал. Лежал и слушал. Слышал, как дом дышит. Слышал, как бабушка ходит внизу. Слышал, как мама говорит с папой. Слышал, как кто-то ходит наверху.

Но теперь слышал ещё что-то. Что-то внизу. В подвале. Будто кто-то ходил в комнате, которой не было. Будто кто-то ждал. Будто кто-то знал.

Он не пошёл туда. Лежал. Слушал. Ждал.

Утром спросил у мамы:

— Ты слышала ночью?

Мама посмотрела на него. Долго. Молча.

— Что слышала?

— Как кто-то ходит.

— Это дом. Он старый. Он скрипит.

— А почему он скрипит в подвале?

— Потому что он старый.

— А почему он скрипит в комнате, которой не было?

Мама не ответила. Посмотрела на папу. Папа посмотрел на неё. Они молчали. Так, как молчат, когда не знают, что сказать. Или когда знают, но не хотят говорить.

— Миша, — сказала мама. — Это просто дом. Дома скрипят. Это нормально.

— Ага.

Он не сказал, что это не нормально. Не сказал, что дома не скрипят в комнатах, которых не было. Не сказал, что дома не дышат. Не сказал, что дома не ждут. Не сказал, что дома не знают.

Он сказал «ага». Пошёл в свою комнату. Сел на кровать. Стал смотреть в окно. И ждать.

Глава 4. Записи

Анна начала вести записи на четвёртый день.

Она никому не сказала. Не потому что скрывала. А потому что не хотела объяснять. Объяснять — значит говорить вслух. Говорить вслух — значит признавать. Признавать — значит, что это правда. Она не была уверена, что это правда. Она была уверена только в том, что что-то не так.

Она купила блокнот в магазине на углу. Обычный, в клетку, с чёрной обложкой. Сказала продавщице — для работы. Продавщица не спросила, для какой. Просто кивнула и дала сдачу. Будто знала. Будто ждала. Будто ей было всё равно.

Анна села на кухне. Открыла блокнот. На первой странице написала дату. Потом время. Потом — что видела.

«День 1. Вечер. Коридор на втором этаже. Длина — примерно четыре метра. Три двери: наша спальня, комната Миши, ванная. Лампочка не горит. Виктор сказал, что заменит. Не заменил. Ночью слышала шаги наверху. Наверху чердак. Мы туда не ходили. Дверь на чердак заперта. Ключа нет».

Закрывает блокнот. Посмотрела на него. Снова открыла. Написала:

«День 2. Утро. Коридор на втором этаже. Длина — примерно шесть метров. Четыре двери: наша спальня, комната Миши, ванная, ещё одна. Не открывала. Не знаю, что там. Спросила Виктора. Он сказал, что не знает. Спросила Веру Павловну. Она сказала, что не помнит. Миша сказал, что там кто-то живёт. Я сказала, что там ничего нет. Он сказал, что там кто-то живёт. Я сказала, что это дом. Он сказал, что дом — это тоже кто-то».

Анна остановилась. Перечитала. Посмотрела в окно. За окном был сад. Деревья стояли неподвижно. Будто ждали. Будто знали. Будто хотели, чтобы она записала.

Она записала:

«День 3. Ночь. Проснулась в 2:47. Не знаю, почему. Не было звука. Не было света. Просто проснулась. Посмотрела на часы. Они стояли. 2:47. Проверила телефон. 3:12. Часы отстают на двадцать пять минут. Или стоят. Или показывают не то время. Утром проверила. Часы шли. Показывали правильно. Не понимаю».

Записала:

«День 4. Утро. Подвал. Виктор нашёл комнату за стеллажом. Комната пустая. С окном. Окно высоко. Свет не проходит. Или проходит, но не так. Комната тёплая. Не как подвал. Не как дом. Тёплая. Будто за стенами что-то есть. Что-то, что греет. Спросила Виктора, откуда комната. Он сказал, что не знает. Спросила Веру Павловну. Она сказала, что не помнит. Но она смотрела на дверь так, будто помнит. Будто знает. Будто ждёт».

Закрывает блокнот. Положила в ящик — не в тот, который часто открывают. В другой. Который не открывают. Который забывают. Который не существует.

Встала. Пошла в гостиную. Бабушка была там. Стояла у окна. Смотрела на улицу. Улица была пустой. Обычной. Будто ничего не было. Будто ничего не будет.

— Вера Павловна.

Бабушка обернулась. Посмотрела на неё. Долго. Молча.

— Что?

— Вы ведь были здесь раньше. В этом доме.

Бабушка не ответила сразу. Смотрела на Анну так, как смотрят, когда хотят понять, что человек знает. И что он хочет узнать.

— Была, — сказала она. — Давно.

— Когда?

— Когда была маленькой. Мы жили здесь. Не долго. Несколько месяцев. Потом уехали.

— Почему уехали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.